

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 7—8

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
<i>Б. Гессен</i> —Механический материализм и современная физика	5
<i>М. Окунь</i> .—Механистические комментарии к диалектической критике	48
<hr/>	
<i>Я. Бергтыс</i> .—Очерки по теории советского хозяйства. Стадии развития коммунизма	64
<i>С. Шабс</i> .—Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса	112
<i>Ш. Аиф</i> .—К спорам о характере сложного труда	150
<hr/>	
<i>И. Альтер</i> .—Роза Люксембург о пролетарской революции	172
<i>В. Кирпотин</i> .—О деятельности Антоновича до ареста Чернышевского (Из истории русской общественной мысли)	192
<hr/>	
<i>В. Боровский</i> .—О бихевиоризме и материализме	207
<hr/>	
<i>Н. Бородулин</i> .—Кризис современной медицины	217
<hr/>	
Критика и библиография.	
<i>Я. Розанов</i> —Библиография о Руссо	242
<i>Г.—А. Столяров</i> —Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия	254
<i>З. Атлас</i> .—И. Г. Блюмин. Субъективная школа в полит. экономии. Том I—Австрийская школа и англо-американская школа. Том II—Математическая школа	256
<i>С. Выгодский</i> .—Г. Гоббсон. Экспорт капитала	267
<i>А. Воден</i> .—В. П. Волгин. Очки по истории социализма. В. П. Волгин. История социалистических идей	273
<i>Б. Манелис</i> .—Марксистская теория права в изображении „критического“ марксиста.	275
<i>Вас. Слепков</i> .—Теория номогенеза (новая фаза в развитии российского антидартинизма). Сборник критических статей под ред. Б. М. Козо-Полянского	279
<hr/>	
Сообщения и заметки.	
<i>Г. Дмитриев</i> .—Письмо в редакцию	285
<i>Анри Барбюс</i> .—Моим друзьям в СССР (О журнале „Монд“)	286

1. Пути большевизации.

Роза в Германии стояла, собственно говоря, перед такой же задачей, как и Ленин в России: создать в недрах II Интернационала подлинно революционное течение. Но у нее было во много раз меньше возможностей и больше трудностей. Ей приходилось не строить на чистом месте в условиях абсолютизма новую организацию, а тараном революционной пропаганды пробивать брешь в огромной старой социал-демократической крепости, поросшей мхом рутины, казенного благополучия, самодовольства, беззаботности. Ей приходилось встречаться не только с консерватизмом руководства, но и с консерватизмом масс, до сознания которых противоречия империализма доходили лишь весьма медленно. Ей приходилось противостоять волне мещанства, карьеризма, разложения, вытекавших из всех пор капиталистической Германии, которая с неимоверной быстротой развивала свои производительные силы и умножала свои миллионы.

В таких условиях революционный марксизм, представлявший лишь тенденцию развития, лишь нарождающихся бойцов, естественно должен был быть слабее «официального марксизма», сочетавшего стальные революционные слова со ставкой на организованного, спокойного, относительно обеспеченного рабочего, на его худшие инстинкты, на медленный, безболезненный рост социал-демократии. В таких-то условиях надо было произвести переоценку старых ценностей, выяснить тенденции новой эпохи, извлечь уроки из опыта новых массовых движений, создать на их основе новую тактику, неустанно борясь с оппортунизмом. Роза, в первую очередь, все свое внимание уделяет анализу эпохи мировой политики и мирового хозяйства. Сквозь призму новой эпохи она пересматривает все экономические и политические проблемы. Ей становится все яснее, что империализм есть последний этап капитализма, за которым стучится уже социализм. Таким образом выплывает проблема социалистической революции, под углом зрения которой Роза смотрит на все явления. Эта революционная целестремленность больше всего роднит ее с Лениным.

Рост милитаризма и колониальных захватов, рост таможенных пошлин, налогов, дороживши, обнищания масс и безработицы, рост классовых противоречий и разложение буржуазной демократии и либерализма, рост агрессивности буржуазного государства и приближение угрозы войны—все это для Розы звенья одной исторической цепи.—Ничего здесь не выбросишь, все историей обосновано, никакими патристическими мечтаниями и сверхимпериалистическими построениями этих тенденций не замажешь. Ясное понимание эпохи рождает ясную программу действий: это борьба с империализмом и с милитаризмом, с обнаглевшей реакцией и с прокрадывающимися в ряды рабочей партии социал-патриотизмом. Боеевой клич превращения империалистической войны в революцию, милитаристической системы в милиционную, требование революционной пропаганды в армии режет ухо благонамеренных и благовоспитанный социал-демократов.

Но настойчивая и последовательная борьба с империализмом не означает еще правильного теоретического анализа проблемы. Правда, «Накопление капитала» по своим политическим устремлениям продолжает дело борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными утопиями за революционное понимание эпохи; правда, полемика, завязавшаяся накануне войны вокруг этой книги, была прямым продолжением борьбы между двумя основными политическими течениями внутри С.-Д.; правда, сама работа эта есть плод вполне назревшей потребности

Роза Люксембург о пролетарской революции¹⁾.

И. Альтер.

Давая общую оценку воззрениям Розы Люксембург на пролетарскую революцию, следует осторегаться двух крайностей.

Прежде всего, нельзя судить механически о событиях прошлого, подходя к ним с меркой постановлений последнего партийного съезда или последнего конгресса Коминтерна. Такой подход к истории приводит к той вульгарной и пошлой критике, образцами которой в свое время обогатил нас Ганс Нейман и другие. Чтобы не впадать в этот формально-логический схематизм, чтобы не упускать ни на минуту правильной исторической перспективы,—необходимо каждый раз делать поправку на состояние революционной идеологии как передовых вождей пролетариата, так и основных рабочих масс. Необходимо также помнить о различных условиях, в которых развертывалась революционная борьба на Западе и в России.

В противоположную крайность впадают те, кто пыгается, исходя из «особых» условий Запада, из затяжной мирной эпохи, вывести в полной мере оправдание взглядов Розы.

Истина лежит по середине, в стороне и от критиков вульгаризаторов, и от некритических апологетов. Взятая в общем виде теория революции Розы Люксембург отражает процесс большевизации²⁾ западно-европейского пролетариата со всеми его противоречиями, в основном разрешенными лишь в огне Ноябрьской революции 1918 года.

Попытаемся это доказать.

¹⁾ Глава из работы о Розе Люксембург, подготовленной к печати в связи с 10-летием смерти Р. Л. под редакцией Истпарта ЦК ВКП(б). Настоящая глава резюмирует ряд предыдущих глав, излагавших отдельные этапы борьбы Розы с реформизмом и ее позиции в революции 1905 и 1917—1918 гг.

²⁾ Под большевизацией в применении к довоенной эпохе я понимаю процесс революционирования партии II Интернационала, процесс создания левого крыла под влиянием растущих противоречий империализма. Этот процесс мы, вправе, я полагаю, назвать большевизацией, так как большевики еще до войны наиболее резко и верно поставили важнейшие проблемы революции (о вооруженном восстании и диктатуре пролетариата, о крестьянстве, организационный вопрос, национальный, о борьбе меньшевиками, о борьбе с политикой захватов, о связи между войной и революцией и др.) и так как ничто больше как опыт революции 1905 года послужил водоразделом между революционными элементами II Интернационала и всем лагерем открытых и скрытых оппортунистов. Т. о. большевики, формально мало влиявшие на судьбы II Интернационала, фактически своей боевой революционной идеологией становились ведущим началом его левого крыла. Но лишь во время войны это руководство начало левыми признаваться формально.

развить дальше мысли Маркса об экономических границах капитализма. Однако положения, которые Роза высказывает в своей книге, неверны. Они могут привести к таким парадоксальным выводам, как напр., утверждение, что эксплуатация рабочих при капитализме не мыслима без эксплуатации крестьянства и мелкой буржуазии, т.е. что эксплуатация мелкой буржуазии есть *conditio sine qua non* эксплуатации пролетариата. В самом деле, отрицая возможность реализации в чистом капитализме, Роза рассматривает не только, эпоху капитализма, но и эпоху империализма, как состояние перманентного первоначального капиталистического накопления с его насилиственным выжиранием мелкобуржуазных и крестьянских масс. Таким образом, выставка и поглощение производимой пролетариатом прибавочной стоимости превращается в какой-то «побочный продукт» капиталистической эксплуатации.

Благодаря неверной характеристике империализма, неправильна разрешена и основная задача книги: вопрос об экономических предпосылках социалистической революции. Теоретически Роза не сумел объяснить неизбежный в эпоху империализма рост экономических и политических противоречий. Но в своей практике этим тезисом она всегда неуклонно руководилась. Отсюда вытекали правильные, в общем, взгляды Розы на буржуазную демократию.

Она видела растущее разложение буржуазной демократии, парламентаризма и либерализма и переход государства еще накануне войны к методам прямого насилия. Насилие, говорила она, вот истинная почва для демократии. Насилие есть высший закон классовой борьбы. Методы революции — это — методы насилия. Поэтому просвещение и организация масс лишь подготовительная ступень к революции, а не средства самой борьбы. Поэтому социал-демократический парламентаризм получает весь свой смысл и значение лишь во внепарламентском действии масс. Поэтому массовое движение — верховный критерий и контролер всех прочих методов борьбы. Но Роза не имела вполне законченных и безошибочных взглядов на пролетарскую демократию и насилие. Мы помним ее подчас неверные формулировки в дискуссии с Бернштейном об отношении между формой и сущностью пролетарской революции и о близи-клизме. Мы знаем о ее ошибках в трактовке технической подготовки революции. Мы видели ее колебания насчет соотношения между буржуазной и пролетарской демократией в тюремной брошюре о России. Мы отмечали также неслаженности даже в Спартаковской программе, где насилие и террор до некоторой степени противопоставлены.

Роза не всегда умела ясно расшифровать понятия насилия, свое временно выдвинув лозунг вооруженного восстания, подготовив массы к идею неизбежности длительной и упорной гражданской войны, к идею о диктатуре пролетариата, достаточно быстро повернувшись к методам пролетарской демократии.

Но если она не всегда говорила полным голосом, если взгляды ее были незавершенными, если в них чувствовалась неуверенность давления господствующего социал-демократического общественного мнения, которое жило под знаком по-реформистски истолкованного «Предисловия» Энгельса 1895 г., — то в основном, своим неверием в буржуазную демократию и в буржуазный парламентаризм она всегда отличалась и от реформистов, и от центристов.

На основе этих общих взглядов на эпоху и на буржуазную демократию составлялись идеи Розы о новой тактике. Эти идеи черпали свое содержание из опыта массового движения, из опыта русской

движения в первую очередь. Еще в 1902 г., в разгоревшемся вокруг бельгийской всеобщей стачки споре с Вандервельде, Роза формулировала свои взгляды на политические стачки. Она увидела в них не декоративное подспорье к парламентским сделкам, а подлинное оружие новой эпохи классовых битв, переходную форму, связывающую будни политической борьбы с пролетарской революцией. В революциях 1905 г. и начавшихся на Западе встречных революционных движениях окончательно оформились идеи Розы. Роза показала связь между легальными парламентскими и массовыми уличными формами борьбы, между стачкой и партией, между стачкой и вооруженным восстанием, как высшим пунктом ее развития, между экономическими и политическими забастовками. Она была по анархистской левой фразе о всеобщей стачке, по реформистским представлениям о бюрократической стачке организованных, по профсоюзным хулиганам и врагам стачки.

Борьба за всеобщую политическую стачку была ничем иным, как борьбой за революцию. В самом деле, разве все великие акты русских революций подготовлялись не через всеобщие стачки? Разве Ноябрьская революция в Германии не ворвалась на плечах всеобщих политических стачек 1918 года? Разве великая всеобщая стачка 1926 года в Англии не была преддверием к великой английской революции, сорванной усилиями обединенного лагеря оппортунистов? И разве эта последняя стачка вновь не подтвердила, возвращенного Розой Л. четверть века перед тем, закона о том, что всякая экономическая стачка логикой движения превращается в условиях революционного подъема в политическую?

Вдохновенная защита политических стачек была ничем иным, как защитой русской революции и ее методов. Еще в начале 90-х годов своей борьбой с пепеэсовским неверьям в русское революционное движение Роза начала первые авангардные бои за революционную Россию. В дальнейшем, особенно начиная с 1905 года, русский вопрос стал оселком, на котором проверялась мера революционности социал-демократических вождей и теоретиков. Россия стала для законов революции тем, чем Англия для законов капитализма. И как ни прятались оппортунисты за «свооеобразие» Запада по сравнению с Востоком, за более крепкую и умную европейскую буржуазию, за более реакционную мелкую буржуазию, за более «культурный», читай: более пассивный и более развращенный оппортунизмом, пролетариат, — от «русских методов», от «русской политики», от «русского языка» невозможно было им отвертеться. «Русские» законы о демократии и диктатуре, о советах, о пролетарской гегемонии, о борьбе за промежуточные классы становились международными законами. Центристы, правда, до поры до времени признавали русскую революцию 1905 г., но лишь постольку, поскольку она не тянула за собой их собственной страны, поскольку она не вынуждала ни к каким действиям. В дальнейшем, изведав заражающее действие русского движения, они все решительнее отторгивались от опыта этой «варварской» и «отсталой» страны, чтобы в 1917 году окончательно с ней порвать. Роза Люксембург стала на Западе передовым агитатором русского революционного опыта. Она первая популяризовала уроки 1905 г., показала двойственный характер и международное значение этой революции, руководящую роль пролетариатаней. Русская революция 1905 г., говорила она, начинает новую эпоху войн и революций. Отсюда вытекала решительная критика меньшевистской тактики по всем вопросам революции и эпохи реакции. В 1917 г. Роза признала зрелость России для социалистической революции. Жестокая подчас критика, которой она подвергла

опыт Октябрьской революции (в тюремной брошюре), не переходя за пределы этого общего признания, была критикой союзника, а не врага.

На опыте тех же массовых стачек и русского движения Роза быстрые иллюстрировала свое огромное умение проделывать самое трудное: анализ текущих исторических событий, и свое глубокое понимание принципа перманентности революционного движения. С огромной остротой умела она отделять основное от случайного, разоблачать политическую мишуре и декорацию, отличать минимую борьбу групп и группировок от подлинной классовой борьбы. Она превосходно боролась за развертывание массового движения, требуя выдвижения более решительных лозунгов, концентрации на них массовой энергии, чтобы поднимать массы со ступеньки на ступеньку все выше, доводя их до предельного пункта развития революции. Ибо партия первой должна наступать и последней отступать. Эта тактика перманентности была вызвана глубокой верой в революционный энтузиазм и революционную мощь масс тем революционным оптимизмом, без которого никакое революционное руководство не возможно. Но огромные успехи в области новой революционной тактики и в оценке движущих сил революции не уберегли Розу и от ряда ошибок. Растворившее противоречие между буржуазией и пролетариатом она пыталась свести к борьбе между единой реакционной массой и все более изолируемых этим процессом пролетариатом. Для России Роза признавала, правда, огромную роль крестьянства и многократно звала к работе в деревне и в армии. Она не допускала, однако, возможности сотрудничества крестьянства с пролетариатом во временному революционном правительстве, отвергала большевистский лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Еще более узко и неверно Роза обобщила опыт Германии и Польши в отношении крестьянства. Она недооценила возможную революционную роль мелкой буржуазии и крестьянства как до революции, так и на следующий день после захвата власти пролетариатом.

Таким образом, изолированность западно-европейского пролетариата в эпоху борьбы за власть была ею возведена в догму. Тем самым упускалась из виду важнейшая проблема борьбы за промежуточные классы, за национально-революционные движения. В крестьянском, национальном, организационном вопросе и в вопросе о технической подготовке революции Роза отдавала еще не малую дань старым социал-демократическим традициям.

Борьба за интернационализм, рядом с борьбой за новое понимание эпохи, за новое понимание буржуазной демократии и за новую тактику была одним из стержневых пунктов деятельности Розы.

Интернационализм едва ли не самая характерная ее черта. Всякий теоретический и тактический вопрос рассматривался ею с точки зрения международных интересов рабочего класса. Всякое национальное движение она пыталась сочетать с интернациональным. Социал-демократия она всегда рассматривала как наиболее опасную форму перехода рабочей партии на буржуазную политику.

Отсюда глубоко интернациональная политика с.-д. Ц. П. и Л. социализировавшейся с русским рабочим движением против П. П. С. Отсюда последовательная борьба с немецким социал-национализмом, начиная еще с дискуссии о пошлинах и о торговой политике в 1898—1900 гг. Отсюда правильная интернационалистская позиция в вопросе о колониальной политике в 1907 году и решительная борьба со всеми видами обороночества с первых же дней мировой войны. Роза ре-

реагировала не только на открытый социал-национализм, но и на все полупатриотические отклонения от марксистской политики, имевшие место у официального руководства и во время китайской войны 1900 года, и в вопросе об усмирении племени Геррero, и в ряде марокканских конфликтов, и в вопросах подготовки к войне. Занимаясь польским, русским, немецким, французским, бельгийским, английским рабочим движением, Роза всякий раз пыталась найти обобщающие их моменты, обобщить революционный опыт каждой из стран, найти законы международного массового движения. Но слишком упрощенное понимание отношения между национальным и интернациональным движением привело Розу к ряду неправильных теоретических взглядов, которые отразились и на национальной политике польской социал-демократии, и на отношениях этой партии с большевиками, и на оценке Розой Октябрьской революции. Суть этих ошибок состояла в неправильном, слишком прямолинейном обобщении ряда положений, выдвинутых против П. П. С. и верных лишь как оружие борьбы с социал-патриотизмом в известных исторических условиях. Отрицая принцип самоопределения народов и возможность на Западе национальных войн, Роза ослабляла ту самую борьбу с империализмом, которой посвятила столько усилий.

Борьба с реформизмом, в течение которой Роза развернула все упомянутые идеи, глубоко отвечала боевому темпераменту этой революционерки. Эта борьба заполнила весь ее жизненный путь. Люксембурганизм и по своему содержанию, и по своей методологии есть, в первую очередь, антиреформизм. Это и вполне понятно, если принять во внимание, что всякий шаг вперед революционного движения оканчивается в эпоху империализма лишь ценой жестокой борьбы с оппортунизмом и что победа социализма вообще возможна лишь на основе предварительной победы над реформизмом.

Путь к торжеству коммунизма в эпоху империализма ведет через труп реформизма подобно тому, как путь к торжеству марксизма в рядах рабочего класса в эпоху Маркса вел через победу над утопическим социализмом.

Роза не упускала из виду ни одного оппортунистического уклона. Особенно частые и сильные удары ее падали в сторону профсоюзной бюрократии, в которой она справедливо видела застrelышника, организатора и главную опору всего реформистского движения в Германии. В борьбе с профбюрократами Роза развернула критику теории нейтральности. Она показала, как профсоюзы из органов рабочей аристократии можно и должно превратить в органы борьбы с цеховой разобщенностью, с противоречиями, существующими внутри рабочего класса. В борьбе с Рексгейзерами, Гуэ, Леймпетерсами она отстаивала столь законное, казалось бы, право рабочих на празднование 1 мая.

Но особая заслуга Розы в борьбе с реформизмом состояла в том, что она не ограничилась систематическим обстрелом наиболее открытой и вульгарной формы ее в лице бернштейнианцев, но что она пошла дальше, перенося борьбу на центризм. Лишь доведенная до этой грани борьба с реформизмом становится знаменем революционного марксизма. Разногласия с центристами выросли у Розы Люксембург и у левых радикалов еще до войны в целое особое тактическое и теоретическое течение. В отличие от центристов Роза решительно боролась с империализмом, а потом и с мелкобуржуазной пацифистской ее теорией, выдуманной Каутским. В отличие от центристов, она отказывалась видеть в легальных парламентско-просветительных формах борьбы основное содержание с.-демократической деятельности. В отли-

чие от центристов она видела в революции взрыв массовой стихии, а не борьбино-парламентскую чисто-политическую передвижку верхушечных сил. В отличие от центристов она действительно признала русскую революцию и обобщила ее опыт для Запада. В отличие от центристов она беспощадно преследовала всякие полунационалистические и полупатриотические уступки и проводила политику последовательного интернационализма. В отличие от центристов она требовала активной пропаганды в армии и сама ее вела. В отличие от центристов, наконец, она, не ограничивалась теоретическим лишь и словесным опровержением реформизма, а продолжала его преследовать и в области ежедневной практики.

Во время войны все эти разногласия, доведенные до крайних пределов, должны были в конечном счете привести к расколу и к созданию коммунистической партии. Однако Роза в своей борьбе с реформизмом и социал-империализмом не пошла до конца. Противоречие между реформой и революцией чаще всего она представляла себе, как противоречие, свойственное всякому рабочему движению, как противоречие между самим движением и его конечными целями. Роза надеялась, что оно будет преодолено самими рабочими, что колеблющиеся вожди будут опрокинуты штурмующими массами. Она не видела всей огромной роли партийного аппарата, как орудия оппортунизма, не связала организационного вопроса с тактическим и с империализмом, как главным источником экономической мощи оппортунизма. Отсюда ее ошибочное суждение о внутрипартийной борьбе в РСДРП, отсюда ее неправильная организационная политика в отношении к центристам во время войны и запоздалый раскол с ними. Отсюда также известная недооценка опасности оппортунизма и преувеличенная надежда на сверхвлияние партийной бюрократии в процессе самого движения. Роза представляла себе рабочий класс слишком однородным и не достаточно учитывала, что раскол наверху в сильной степени связан также с известным расколом внизу, что растет и консолидируется довольно большей и влиятельный слой рабочей аристократии и окружающей ее периферии¹⁾. Все это вместе взятое приводило к известному организационному нигилизму, к известной недооценке роли партийного руководства в революции, несмотря на то, что роль эту теоретически Роза прекрасно понимала, что она рассматривала всегда партию, как авангард класса, что она требовала всегда от марксистской теории, чтобы эта теория приходила не пост-фактум, а руководила движением и предсказывала его перспективы.

Можно без преувеличения сказать, что проблема раскола висела над немецким рабочим движением с самого момента его перехода на социал-демократические рельсы. Сочетав в себе две разнородные функции: партии социального переворота и партии мелкобуржуазной оппозиции, продолжившей традиции буржуазного либерализма, немецкая социал-демократия не сумела функций этих связать вместе на основе интересов революции. Энгельс еще в 1878—1882 гг. предсказывал неизбежность раскола в партии в случае решающих событий, какими может быть в первую очередь возникновение международной войны. И, действительно, проблема раскола, замазываемая долгое время центрой, во время войны всплыла на поверхность жизни во всей своей остроте.

Идеи Энгельса о расколе не были продуманы Розой и не были охвачены ею теорией. Таким образом, в одном из важнейших вопросов

¹⁾ Нельзя, однако, утверждать, чтобы она этого процесса совсем не видела. См., напр., ее «Введение в политическую экономию», изд. «Прибой», стр. 216.

теории пролетарской революции, в вопросе о неизбежности раскола в рабочем движении в эпоху империализма, теория Розы страдала существенным недостатком. И этот недостаток особенно ярко проявился в организационной слабости спартаковцев в Ноябрьской революции.

Таково беглое и схематическое изложение основных идей Розы Люксембург, лежавших в основе ее деятельности вплоть до ноября 1918 г. Если принимать во внимание особые условия Запада, то, вне всякого сомнения, мы имеем здесь дело с процессом большевизации старой социал-демократической идеологии. Но в то же время в каждом почти вопросе мы встречаемся с характерным явлением: с незавершенностью, а порой и противоречивостью отдельных постановок, отражавшей еще влияние старых с.-д. традиций и слабую дифференциацию в самом рабочем классе. Поэтому идейный путь Розы Люксембург мы и характеризовали лишь как путь к большевизму¹⁾. Чтобы еще отчетливее подчеркнуть эту особенность, остановимся на теории стихийности Розы Люксембург, тем более, что проблема эта в нашей среде встречает различные толкования.

2. Теория стихийности.

Роза правильно рассматривала революцию, как стихию. Она боролась с реформистским представлением о делании революции сверху по бюрократическому заказу, без всякого риска, когда все будет уже «готово». Она говорила о неизбежности временных поражений, о наездных расходах революции. Она глубоко проникла в динамику революции, понимала революционное творчество с его трудностями, с иниграинностью, новизной проториваемых им путей.

«Всякая революция,—говорила она в 1908 г.—есть социальная революция, т.-е. представляет собой период чрезвычайно напряженного внутреннего созревания общества: период быстрого формирования, дифференциации и самосознания классов. Непосредственный ход политического переворота перекреивается и осложняется этим процессом классового созревания, который периодически тормозит революционное действие извне, чтобы переварить его результаты и подготовить материал для дальнейшей борьбы²⁾.

Роза понимала, что стихийное движение отнюдь не означает чего-то хаотического, беспланового, необузданного, лишенного руководства. Она понимала, что в процессе революции партия должна защищать себе руководящую роль и уметь использовать как победу, так и поражения.

«Задача с.-д. и ее вождей,—писала Роза в 1913 г.—состоит не в том, чтобы быть усыпленными событиями, а чтобы им сознательно предшествовать, чтобы предвидеть основное направление развития и бег его, путем сознательного воздействия, сократить и ускорить³⁾. И в критике центристской тактики Роза шла всегда против излишней пассивности и хвостизма вождей во время массовых кампаний. И все же именно недооценка роли руководства и переоценка стихийности движения лежит в основе всех организационных, тактических и некоторых теоретических ошибок Розы.

¹⁾ Вопрос о большевистском характере С.-Д. Ц. П. и Л. обсужден нами особо в другом месте.

²⁾ «Nauki tuzech Dum», «Preglad Socialdemokratyczny» 1908 г., № 8, стр. 180.

³⁾ «Das Offiziosentum der Theorie», Ges. Werke IV, стр. 669.

Впрочем, взгляд этот многими оспаривается. Так, Поль Фрейдц, комментируя недавно вышедший IV том собрания сочинений Розы Люксембург, приходит к выводу, что приписываемая ей теория стихийности есть не что иное, как «мифология стихийности»¹⁾. В подтверждение Фрейдца выдвигает три рода доказательств: 1) критики Розы злоупотребляют цитатами, случайно выдернутыми из текста и неправильно комментируемыми, 2) огромная роль стихийного в теории Розы вполне оправдывается основной задачей, стоявшей перед Розой, задачей борьбы с бюрократизмом руководства, и 3) взгляды Розы на партию не стоят, правда, на уровне сегодняшнего дня, но они не противоречат нашим взглядам, а лишь не соответствуют им. Это, однако, обясняется в основном тем, что в то время, как перед Лениным стояли непосредственно задачи надвигающейся революции, Роза вплоть до 1914 г. работала в Германии, в совершенно иной, мирной обстановке.

С Фрейдцем можно согласиться лишь в той степени, в какой он ополчается против вульгаризированной критики Розы. В предыдущем изложении мы сами неоднократно такую грубую упрощенную критику отвергали. Верно, что Роза в общем понимала роль партии в революции. Верно, что ее основная задача до войны должна была состоять в борьбе за развертывание массового движения, за признание стихии, за внимание к улице, внепарламентским действиям, движением не только организованных, но и неорганизованных. Неверно, что Роза все руководство движением отдавала массам, что она по-синдикалистски смотрела на роль партии в революции. Роза понимала роль руководства, неоднократно на нем заостряла внимание партийных масс. За это — именно оппортунисты, начиная с Бернштейна и профбюрократов и кончая Каутским, неоднократно, еще задолго до войны, обрушивались на Розу, обвиняя ее в бланкизме, путчизме, анархизме, вспышко-патриотизме и прочих смертных грехах. Все это так. Однако, эти правительственные, в основном, взгляды на партию сочетались с неправильной характеристикой отношений между стихией и руководством.

Начнем с цитат. Вот несколько из них, взятых из различных периодов деятельности Розы.

В статье по поводу «Организационных вопросов русской с.-д. об'ясняет пассивное отношение немецкой с.-демократии к новым тактическим лозунгам, в частности к предложениям Парвуса на случай отмены всеобщего избирательного права, Роза говорит: «Эта инертность в значительной степени об'ясняется тем, что очень трудно в пространстве абстрактных построений представить себе контуры конкретные формы еще не существующей и, следовательно, воображаемой политической кон'юнктуры»²⁾. Так обосновывается Розой положение о том, что тактические лозунги должны следовать за движением, рождающимся из него.

Вскоре после взрыва революции 1905 г. Роза пишет по этому поводу в «Форвертсе»: «Овладеть и руководить не началом революционного взрыва, а его концом, его результатами — такова единственная разумная цель, какую может ставить себе политическая партия, если не хочет впадать ни в фантастические иллюзии, переоценивая свои силы, ни в бессильный пессимизм»³⁾.

¹⁾ R. Luxemburg, Gesammelte Werke, B. IV, стр. 75—79.

²⁾ «Organisationsfrage der russischen Sozialdemokratie», «N. Z.» 1903—04, стр. 491.

³⁾ «Политический переворот в России», «Форвертс», 9—10 февраля 1905 г. Цит. по Wybór rewolucji w siedzibie Wydawnictwo Komunistyczne «Trybuna», стр. 179. Курсив наш.—И. А.

Эту же идею она развивает в «Массовой стачке и с.-д.». Массовые стачки, правда, делаются рабочими. Их решимость, как и руководство организованного и наиболее сознательного с.-д. ядра пролетариата играет здесь немаловажную роль. «Однако поле действия этой инициативы и этого руководства ограничивается обыкновенно областью отдельных актов, отдельных стачек, при наступлении уже революционного периода, и даже, большую частью, в пределах одного города. Так, например, мы видели, что социал-демократия неоднократно с усилением давала непосредственный сигнал к массовой стачке в Баку, Варшаве, Лодзи и один раз в Петербурге. Результат этот достигается гораздо труднее по отношению к общим выступлениям всего пролетариата. Кроме того, здесь инициативе и сознательному руководству поставлены совершенно определенные границы. Именно, во время революции какому-нибудь руководящему органу пролетарского движения крайне трудно предвидеть и предопределить, какие поводы и какие моменты могут привести к взрыву и какие нет. И здесь инициатива и руководство выражаются не в произвольном командовании, а в возможно более удачном применении к обстоятельствам и возможно более тесном соприкосновении с настроением масс... Момент возникновения массовой стачки и вычисление и покрытие ее расходов зависят от революционного периода, которому в этом смысле принадлежит руководство»⁴⁾.

Несколько лет спустя в речи, произнесенной во Франкфурте на Майне по поводу прусской выборной кампании, Роза, между прочим, говорила:—«Мы должны сегодня, среди широчайших слов пролетариата неутомимо распространять полное понимание положения вещей, будить в массах сознание собственной силы, укреплять в них боевую энергию и сеять полной горстью семена социализма. Остальные мы смело предоставляем ходу вещей, с твердой уверенностью, что история работает нам на руку и что мы, социал-демократы, в этой борьбе, как и на всяком этапе нашего продвижения к социализму, останемся, несмотря на все, победителями»⁵⁾.

В одном из писем «Спартака» Роза пишет: «Революции, к сожалению, не делаются по команде. Но это не есть задача социалистической партии. Ее обязанностью является лишь всегда смело «сказать, что есть», т.-е. давать массам ясное и четкое представление об их задачах в данный исторический момент, давать политическую программу действий и лозунги, которые из этой ситуации вытекают. Заботу же о том, свяжется ли и когда массовый революционный подъем с этими лозунгами, социализм должен спокойно предоставить самой истории»⁶⁾.

Как ни смягчать смысл цитированных мест, противопоставляя им другие, из коих явственно следует огромная роль партии в революции, все же нельзя здесь не заметить целого ряда ограничений, которые Роза ставит руководству.

Это, во-первых, ограничения, касающиеся предвидения конкретного хода революции. Нельзя так категорически, как это делает Роза,

⁴⁾ «Massenstreik, Partei und Gewerkschaften», G. W., IV, стр. 444, 445. Подчеркнуто нами.

⁵⁾ «Aus der Rede über den preussischen Wahlrechtskampf in Frankfurt a/M am 17 April 1910». Цит. по «Redner der Revolution. Rosa Luxemburg», 1928 г., стр. 70. Подчеркнуто нами.

⁶⁾ «Brennende Zeitfragen», Spartacus Briefe, № 6, август 1917 г., стр. 118—119. Подчеркнуто нами.

отвергать возможности этого предвидения, отсылая заинтересованных к будущим событиям, к будущему творчеству масс, к истории. Наоборот, накопление революционного опыта означает не что иное, как за больший прогресс в области предвидения конкретного хода революции, предвидения будущего поведения отдельных классов и слоев в ней, предвидения форм, средств, лозунгов будущей гражданской войны, предвидения возможных колебаний и затруднений в собственных рядах. Итак, рост революционного опыта есть не что иное, как рост революционного предвидения.

Во-вторых, Роза ограничивает деятельность руководства во времени и пространстве. Загипнотизированная стихийностью, с какой происходит первый взрыв революции, она отрицает возможность предсказать начало революции, участвовать в его сознательной подготовке. Руководство партии начинается — по Розе — после взрыва, и оно не может быть распространено на всю страну в целом. Но это есть не что иное, как теоретическое утверждение слабости руководства в революции 1905 г. Запаздывание партии в целом ряде моментов, начиная с события 9-го января, разрозненность выступлений в декабре 1905 г. и прочее возводятся такими взглядами в какой-то неизбежный закон революции. Но можно ли назначить взрыв революции на определенный день?

Несомненно, революция есть и всегда будет уравнением со многими неизвестными. Она не разрешается вообще, как чистая математическая задача. Но пролетарская революция есть революция, возглавляемая партией во все моменты своего развертывания. Поскольку это можно говорить и о более или менее точном назначении срока, то можно говорить и о более или менее точном назначении срока отдельных массовых выступлений. Если революция не может быть искусственно вызвана, если причины ее коренятся каждый раз в глубоких экономических и политических противоречиях, — то сам ход ее во все моменты, от начала до конца, может и должен быть введен в железные рамки руководства, может и должен быть пропитан и искусством делания революции, искусством в восстании.

Но, может быть, приведенные цитаты из Розы не отражают истинных взглядов? Может быть, дело сводится здесь к нескольким случайно оброненным, неудачным формулировкам? Вспомним проблему, непосредственно связанных с теорией стихийности.

Организационный вопрос. Фрейлих утверждает, что Ленин накануне войны недооценивал оппортунизма. И Интернационал и переоценивал революционность масс. Это верно. Но дело в том, что Роза эти ошибочные практические оценки освящала неверной теорией. Когда Ленин в 1903 г. заговорил об организационном оппортунизме, о социально-политическом значении организационной политики партии, то Роза решительно выступила против него в защиту большевистских организационных взглядов. Она требовала демократического, свободного, не стесняемого деспотизмом Цека, развития организации. Она доказывала, что «логика объективного процесса предшествует логике его носителей». Не случайно поэтому, начав обстреливать Каутского раньше Ленина, Роза после 4 августа долго еще не решается порвать с ним организационно¹⁾. Если Ленин, вооружен-

¹⁾ Защита позднего раскола с независимыми интересами тактики единого фронта, т. е. желанием находиться в контакте и завоевывать массы рабочих независимцев, не выдерживает, как мы это раньше показали, никакой критики. Когда разногласия между двумя лагерями затрагивают основные принципиальные вопросы, то дальнейшее организационное сожительство с противником в известный момент неизбежно приводит левых вместо завоевания масс к подчинению привождям, к хвостизму.

правильной теорией партии, смог в один день сделать крутой поворот и сразу исправить свои преувеличенные надежды на немецкий центр, то Роза должна была еще пережить целый период, в течение которого она освобождалась от известного организационного нигилизма, тесно переплетенного, впрочем, с организационным фетишизмом. А организационный нигилизм, как и организационный фетишизм, непосредственно вытекал у левых радикалов из их теории стихийности.

Из этой же теории, несомненно, происходят и ошибки Розы в вопросе о технической подготовке революции. Разбирая основной документ, в котором Роза наиболее ярко излагает свои взгляды на эту тему, статью «Что дальше»²⁾, мы видели, с каким пренебрежением она отнеслась к проблеме вооружения рабочей массы, как резко противопоставила она техническим задачам революции политические ее задачи, как иронически отнеслась она к отдельным попыткам революционеров достичь за границей вооружение и заранее подготовиться к будущей борьбе. Не следует, говорила тогда Роза, играть роль «копекуна рабочего класса», не следует «за плечами рабочей массы» искать для нее вооружения. Только рабочие массы сами могут это вооружение добывать, не какой-либо «партийный комитет», а лишь они сами смогут «в самом процессе уличных боев» создать собственные методы борьбы. Нельзя, по Розе, «заранее вырабатывать» эти методы, подготавливать «массы к вооруженным столкновениям с правительством»³⁾.

Отказ от технической подготовки революции означает узко-политический подход к ее задачам; он вел в дальнейшем к недооценке роли вооруженного восстания, к слишком упрощенному представлению об эпохе гражданской войны и пр.

Наконец, та же теория стихийности наложила свою печать и на представления Розы о переходной эпохе. Социализм, говорила Роза в своей брошюре о «Русской революции», нельзя строить сверху, ибо он есть плод стихийного творчества масс. В этой же брошюре критикуя свою большевистского террора и большевистской демократии Роза обосновывает апелляцией к правам масс. Здесь политические задачи революции она подчиняет по-доктринерски понятым правам демократии. Непосредственные задачи революции в переходную эпоху Роза смешивает с задачами непосредственного введения социализма. Поэтому она отказывается от большевистской социализации земли и от большевистского самоопределения народов. И скучность высказываний Розы по вопросу о конкретных формах диктатуры, также и о государстве переходного периода, представляется нам, имеет аналогичный источник: уверенность в том, что все эти проблемы будут разрешены в самом процессе революции.

Но, может быть, Роза, работавшая в условиях мирного развития немецкого капитализма, не в состоянии была и не вправе была раз-

¹⁾ «Co dalej», выпущено в приложении к апрельскому номеру «Czerwony Standart» за 1905 г.

²⁾ «Делегаты С.-Д. Ц. П. и Л. писала редакционная передовица «Красного Знамени» в июле 1912 г., на всех партийных обще-русских конференциях и на Стокгольмском и Лондонском съездах, в фактических вопросах самым категорическим образом боролись всегда с ленинскими идеями «технической подготовки», «революции», «экспроприации» и подобных им прекрасных «идей», которые мы находим также у «фраков» (правых пепеэсовцев, — И. А.) и которые мы безжалостно истребляли» («Красное Знамя» № 188, июль 1912 г.). Здесь вполне ясно виден источник вражды польских с.-д. к технической подготовке революции: это была обобщенная вражда к идеи вооруженного восстания, которая у пепеэсовцев заслоняла все остальные задачи революции.

вивать проблемы, требовавшие наличия живого революционного опыта? Может быть, Ленин был в этом отношении в особо привилегированных условиях? Так ставить вопрос—значит недооценивать огромную революционную роль левых радикалов и их вождя в истории германской и всем западной с.-демократии. Левые радикалы тем и отличались от всех остальных с.-демократов, что они предвидели надвигающуюся революцию, что они ставили связанные с ней вопросы и что они для этого использовали опыт русской революции сначала 1905 г., а потом и 1917 года. Ошибки Розы в области организационно-тактической, при наличии соответствующего русского опыта, не могут быть оправданы «особыми» условиями Германии и Запада. Если Роза Люксембург и левые радикалы могли воспринять русские уроки в области массовой стачки, пролетарской гегемонии и пр., то они могли распространить их и на другие области. Сохранение «зап.-европейской» точки зрения на эти проблемы и стало в дальнейшем источником ряда крупных практических ошибок.

Не оправдывается ли, наконец, теория стихийности Розы задачами борьбы с бюрократизмом? Не была ли она результатом известного перегиба палки, необходимого для выпрямления общей линии?

Теория стихийности, как оружие борьбы с оппортунизмом, сыграла свою большую роль, такую же большую, как интернационалистский подход польских с.-демократов к польскому рабочему движению, помогший создать революционную партию и оказать решительный отпор социал-патриотизму. Но это был лишь первый шаг, лишь протест против оппортунизма. Победа над ним возможна была только на основе вполне разработанной стратегии и тактики борьбы. И чем раньше партия вооружена этой стратегией, тем больше шагов на победу. Так обстояло дело с теорией стихийности и точно так же с национальным вопросом. Одним интернационализмом нельзя победить социал-патриотизма. Для этого нужна значительно более конкретная и гибкая, хотя и принципиальная, национальная политика. Вот этого-то умения сочетать общие принципы с меняющейся обстановкой, стратегию с тактикой, умения маневрировать порой у Розы Люксембург и не хватало.

При чем дело шло здесь не о специальном немецком случае. Свое понимание роли стихийного Роза применяла не только к Германии, но и к русскому движению, которое как раз страдало излишком стихийности и недостатком сознательного централизованного руководства. Таким образом, мы имели здесь дело с рядом общих принципов, а не только с тактическим лозунгом, вызванным особой бюрократической обстановкой немецкой с.-демократии, как это представляется Фрейлиху. И эти-то именно неверные принципы помешали в дальнейшем Розе своевременно перейти на более высокую ступень понимания роли руководства в революции.

Итак, теория стихийности Розы Люксембург не была, как думает Фрейлих, какой-то «мифологией», какой-то выдумкой, произвольно приписываемой ей непонятливыми критиками. Она существовала. Она означала этап на пути к большевистской идеологии, этап, отразивший слабость лево-радикального движения, неуверенность в своих собственных силах и известную еще зависимость его от старой с.-демократии.

Но в наше время подготовлены уже все основные объективные предпосылки для социалистического переворота. Основная проблема, в которую упирается революционное движение, это—субъективная зрелость руководства. Основные капиталистические страны техничес-

и экономически уже созрели для социалистического переворота; массы уже прошли практическую школу борьбы в ряде восстаний и стихийных взрывов. Центр тяжести вопроса сейчас поэтому лежит уже не в доказательствах значения стихийных движений, не в голых призывах к «социалистическому революционированию духа», к «воле к действию», к «вере в собственную силу». Сейчас на первое место выдвигается вопрос о сознательности партии и ее руководителей, об умении выбрать подходящий момент, сорганизовать штаб, повести, не колеблясь, массы в бой. Таким образом, проблемы руководства, проблемы революционной тактики и стратегии естественно выдвигаются на авансцену истории.

3. Место Розы Люксембург в истории рабочего движения.

Мы видели, что Роза поставила почти все основные проблемы новой империалистической эпохи. В этом смысле она подошла к теории революции несравненно диалектическое, чем старые социал-демократы. Но мы видели также, что ей не всегда удавалось с должной быстрой рвать со старыми предрассудками, что в ряде вопросов она обнаруживала свою зависимость от социал-демократической идеологии, и что она не всегда понимала всю противоречивость и сложность проблем революции. Эти особенности ее идеологии не позволяют нам люксембургианство отождествлять с большевизмом.

Но еще более неправильно отождествлять люксембургианство меньшевизмом. Люксембургианство—это к большевизму, течение, во многом совпадавшее с большевизмом, но в некоторых вопросах сохранившее старые идеи, или же не додумавшее новых революционных положений до конца. Отсюда и вытекает сложность всякой оценки ошибок Розы Люксембург. Конечно, если к этому делу подойти грубо, поверхностным образом, то с Розой можно было бы разделаться в два счета. Достаточно для этого взять таких два кардинальных вопроса революции, как организационный и крестьянский, показать на них близость Розы к меньшевикам, и отсюда вывести, что люксембургианство есть что иное, как некоторая разновидность меньшевизма.

На всем протяжении нашего анализа мы пытались показать, что дело решается отнюдь не так просто. В основных и кардинальнейших вопросах революции 1905 г.—о гегемонии пролетариата и об отношении к буржуазии, а также в вопросе о соблюдении принципа перманентности в руководстве революцией—Роза была большевичкой. И именно в силу этого даже ее ошибочные взгляды на организацию и на крестьянство носили особый характер. Две даже одинаковые вещи, но сказанные различными людьми бывают нередко двумя разными вещами. Нельзя из общего революционного мировоззрения вырывать один момент и рассматривать его изолированно. Возьмем, хотя бы, статьи Розы в «Спартаке» о русской революции 1917 г. Она говорит там, что революция в одной стране не может победить. Она утверждает далее, что конец войны будет концом русской революции. Так приблизительно думали и меньшевики. Но какие из этого положения делали выводы они и какие Роза Люксембург? Меньшевики считали, что социалистическая революция для России преждевременна, что не надо было, следовательно, браться за оружие. Роза же из этого трагического положения русской революции заключала, что необходима скорейшая мобилизация западно-европейского пролетариата в помощь русскому пролетариату. Из трудностей русской революции она не делала ликви-

даторских, пораженных выводов, а лишь заключение об ответственности немецких рабочих и немецкой социал-демократии перед революционной Россией.

Возьмем другой пример. Роза в споре с Лениным по организационному вопросу была скорее на стороне меньшевиков. И, однако же, не было более заклятого врага партийного бюрократизма, этой основной формы оппортунизма в организационном вопросе, чем та же Роза.

На этих примерах видно, к каким ложным выводам ведут слишком поверхностные аналогии.

С какого же типа ошибками мы встречаемся у Розы Люксембург?

Обычно мы отличаем два основных типа ошибок: тактические, стратегические. Тактические ошибки,—если они не вытекают из неправильной стратегии,—чаще всего возникают на почве недостаточной осведомленности, незнания фактов, отсутствия или недостатка соответствующего опыта. Поскольку всякое движение и всякая революция есть уравнение со многими неизвестными, поскольку этот тип ошибки всегда неизбежен. «Представление о революционной политике без ошибок,—говорит Роза,—столь пошло, что оно достойно лишь некоего школьного учителя». Подобных ошибок из незнания, ошибочных предвидений (о сроках революции, о судьбах отдельных наций, в отношении к буржуазному парламентаризму в переходные моменты революции и пр.) мы можем не мало встретить как у Маркса и Энгельса, так и у Ленина.

На них не раз спекулировали буржуазные и мелкобуржуазные критики. Мы знаем, что революционер-практик не может не ошибаться. Но если уже о революционных вождях судить по количеству сделанных ими правильных и неправильных предвидений и оценок, то нужно ставить вопрос об общем балансе. При таком расчете вожди революционного марксизма, и Роза Люксембург в том числе, окажутся лишь победителями.

Второй тип ошибок вызван неправильной стратегией. Он затрагивает уже не отдельные сроки и отдельные оценки, а всю линию целом, движущие силы и направление революции. Стратегические ошибки обычно перерастают в теоретические. Но этот второй тип ошибок имеет много разновидностей, радикально отличающихся друг от друга. Бывают стратегические ошибки чисто оппортунистического типа. Они связаны с желанием везде смягчить остроту классовых противоречий, ослабить борьбу с классовым врагом, преувеличивая силу противника и преуменьшая силу пролетариата. Таковы классические ошибки меньшевиков в революции 1905 года.

Излишне говорить, что Роза Люксембург, революционер с воодушевленностью, ничего общего с такого рода ошибками не имеет. «Опасность, что мы наши силы недооцениваем,—говорила она,—больше, че опасность переоценки наших сил». Собачьей болезнью боязни революционных трудностей Роза никогда не страдала.

* Роза делала стратегические и теоретические ошибки. Но особенность ее ошибок состоит в том, что они на опыте революции исправились. Роза умела гениально учиться у революции. Под влиянием ее опыта Роза с бесконечной легкостью сбрасывала с себя, как это лучше всего показали ноябрьские дни, груз наиболее застарелых и длительных заблуждений. Поэтому в процессе самой революции она умела быть до конца революционным вождем, вдохновителем и руководителем масс. Роза, если можно так выразиться, была революционером органически. Она находилась с революционной стихией в самой ро-

ственной, интимной связи. Поэтому она умела в самом процессе борьбы исправлять не только свои тактические, но и стратегические ошибки. На первый взгляд может показаться, что всякая ошибка безлична, что она не пахнет, что любая из них может, поэтому, привести революцию к крушению. Однако же было бы величайшим заблуждением забывать о субъективной подоплеке, о конкретном носителе ошибок. Ибо дело идет не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем. А завтрашний день и поведение в нем революционера определяется субъективным моментом. Субъективная же революционность является общей гарантой возможного исправления ошибок. Субъективная революционность Розы спасала ее в решительные моменты от ошибочной революционной практики.

* * *

Мы рассматривали люксембурганизацию как своеобразную форму западно-европейского большевизма, или, вернее, как этап к большевизму, этап, пройденный в основном германскими левыми радикалами, а потом спартаковцами в 1918 году, когда создалась коммунистическая партия. Этот факт идеологической близости левого радикализма к большевизму имеет огромное международное значение. Он показывает, что большевизм был международным течением еще до войны. Он доказывает, что законы, изложенные Лениным, обязательны для всех стран. Россия, как мы уже говорили, имеет для законов революции такое же значение, как Англия для законов капитализма. Опыт русских революций находится приблизительно в таком же отношении, в смысле построения теории пролетарской революции, как опыт Великой Французской революции для буржуазных революций. Он должен лечь в основу всякой будущей пролетарской революции.

Это, однако, наиболее непринимаемая из большевистских истин для мировой социал-демократии. Соц.-демократы делают все, чтобы спастись от большевистской революции, а, значит, и от участия меньшевистских в ней вождей. Они прилагают огромные усилия, чтобы вычеркнуть из истории германской с.-д. все, что хотя бы отдаленно похоже на большевизм. По отношению к Розе Люксембург и левым радикалам они применяют для этого два метода. Во-первых, им хочется доказать, что Роза Люксембург и левые радикалы ничего общего не имеют с большевиками. С этой целью они ссылаются на наши с Розой теоретические споры, не вникая при этом ни в суть этих споров, ни в характер и размеры разногласий¹⁾. Для этой же цели они используют не предназначавшуюся для печати рукопись Розы о русской революции, истолковывая ее по-своему.

Второй метод—это всяческие попытки умалить роль левого радикализма и западно-европейского коммунизма, показать сверхординарный характер их появления. Однако мы знаем, что у левых радикалов была довольно серьезная рабочая база. Последние предвоенные годы их лозунги встречали горячую поддержку среди рабочих наиболее промышленных городов и районов Германии: Берлина, Лейпцига, Прездена, Бремена, Штутгтарта, Гамбурга, Рура и др. Выступления Розы встречались там с неизменным восторгом. Но уже тогда социал-демократы Розу Люксембург и весь левый радикализм изображали как наносный Востока элемент, как агентуру России. На этом-то «основании» реформисты еще во время первой дискуссии с Бернштейном сfabрико-

¹⁾ См., напр., статью M. Werner «Der Sovietmarxismus», «Cesellschaft», Juli 1927.

вали о Розе клевету, как о русской шпионке, и с тех пор неизменно ее муссировали.

Но и теперь Э. Дран и др. социал-демократы продолжают повторять подобного рода «марксистские» объяснения появления левых радикалов. «Недостаток журналистов,— пишет Дран в недавне выпущенном очерке,— пополнялся иностранцами, особенно русскими, которые «уже сами по себе из национальных соображений были противниками Германии»¹⁾). Для Драна «Leipziger Volkszeitung» и «Sächsische Arbeiterzeitung»—были органы русских, «Vorwärts»—орган австро-марксистов, а «Bremer Bürgerzeitung» отражал голландско-галицийское влияние. Таким образом, расчистив себе путь, Дран легко уже приходит к выводу, что единственным нормальным, национальным путем развития в немецком социализме был путь реформизма. Впрочем, Каутский в своих нападках против Розы, уже начиная с 1910 г., пошел по той же линии размежевки в иностранном, и в первую очередь с русским революционным движением, с «русскими методами»²⁾.

Споплзание к оппортунизму, как правило, сопровождалось отходом от революционной России. Как и наоборот, революционный интернационализм левых радикалов означал обогащение немецкого рабочего движения русским опытом. Не случайно, поэтому, Каутский в последние предвоенные годы заговорил о национальном марксизме, об обособлении независимом от других опыта каждой страны в отдельности. Впрочем, в дальнейшем защищавшийся им особый «немецкий» метод постепенно превратился в старый испытанный английский. И различия этих двух методов мышления Каутский характеризовал различие двух течений в рабочем классе. «Русское революционное мышление,—писал Каутский на следующий день после гибели К. Либкнхета и Р. Люксембург,—было для К. Либкнхета столь же решающим, как для отца его английское... и то же самое относится к Розе Люксембург»³⁾.

С тех пор Каутский и все с.-д. не перестают петь о противоречии между Востоком и Западом⁴⁾, между английским и русским методами. Но большего нам и не нужно. Чтобы расшифровать социально-политический смысл этого противопоставления, не надо напоминать ни старой марковской критики английского тренд-юнионизма, ни более поздних статей того же Каутского начала XX века на интересующую нас тему. Он понятен и без этого. Впрочем, некоему реформистскому профсоюзному вождю Никишу не терпится. Он хочет раскрыть секрет политицизма. И он доводит взгляды Каутского до их логического конца, когда заявляет, что марксизм в Германии был вообще временным состоянием признаком ее отсталости⁵⁾. Да, если бы Германия не имела никогда других вождей кроме ориентированного на английскую «рабочую буржуазию» Бернштейна, а потом последовавшего за ним Каутского, то первое из этих положений было бы в значительной степени верно.

Эту же идею о случайности левого радикализма перебежчик из лагеря левых радикалов Курт Гейер хочет об'яснять «социологически» и «психологически». Наворотив массу ученых цитат из книг буржуазных ученых о психологии масс (Лебон, Сигеле, Стефенс, Фирканд, Вильлас и др.), Гейер приходит к выводу о том, что левый радикализм это—

лишь вспышка левых настроений, это нетерпеливое желание перескочить через медленно развивающуюся фазу истории, это фетишизация массового движения, независимо от его результатов, это сектантство и мистическая вера в массовый инстинкт, стоящий выше рассудка и т. п., и т. д.⁶⁾. Так же приблизительно об'ясняет дело Макс Адлер, рассматривающий поведение Розы Люксембург в Ноябрьской революции, как немарксистский революционаризм⁷⁾. В этот же круг идей попадает и академик Тарле, когда хочет левый радикализм трактовать, как заранее обреченное на гибель течение. Тарле смешивает оппортунистическое руководство партийных масс с этими массами. Он считает, что Германия совершенно не противилась империалистической политике и к Розе Люксембург, Карлу Либкнхету, Лео Иогихесу и их товарищам стали немножко больше прислушиваться не потому, что убедились в несоответствии войны захвату колоний с принципами социализма, но потому, что начинали понимать, что при подобных Вильгельму руководителях имперской политики Германской империи может потерпеть поражение⁸⁾. Это извращенное представление об истинных настроениях немецких рабочих, это карикатурное об'яснение корней левого радикализма неспособностью Вильгельма руководить империалистической политикой, и приводит Тарле к его фантастическим выводам о том, что «поражение революционного меньшинства было предрешено отмеченными выше особенностями исторической обстановки Германии»⁹⁾. По смыслу рассуждения этот вывод, относящийся к январскому восстанию 1919 года касается и всего левого радикализма, а значит и вырастающего из него коммунистического движения. Но это—типичная философия истории всех реформистов. Согласно ей, всякое революционное движение—случайно, всякое же его поражение—закономерно. Реформизм—нормальный, естественный путь развития рабочего движения на Западе, его не преидеши. Коммунизм же, поскольку он существует, есть лишь пена на революционной волне, исчезающая вместе с революцией. Коммунисты—партия революции. Им не место в «нормальное» время. Они представляют сейчас лишь тень прошлого инфляционного периода, периода распада. Все, что совершилось (если это только не победа революции, как в России), должно было совершиться, заложено было в объективных условиях. Эта «философия» никакого места самостоятельному движению рабочих масс, вернее: революционному движению, в схеме исторического развития не оставляет. Для этой философии всякому революционному движению заранее уже приготовлена кличка бланкизма, пучизма и проч. Реформисты боролись против веры левых радикалов в революционный инстинкт масс и болтали о реакционности этих масс. Это освящало их борьбу против стихийного движения, против всеобщей стачки. Но когда нужно было, они с такой же самоуверенностью заговорили о беспомощности руководства перед массовой стихией. Это оправдывало их бездеятельность и пассивность в моменты шовинистического угара. Так об'ясняли центристы сдачу своих позиций в вопросе о войне. А что массы в начале войны были вождями обмануты, что они были оглушенны внезапностью и стремительностью патриотической пропаганды, что сознание их было убито тысячью ловких софизмов, что с первой секунды об'явления войны они были связаны по рукам и ногам военным положением

¹⁾ E. Dran, Die deutsche Socialdemokratie, Miharsche Verlag, München 1925.

²⁾ Еще в 1906 г. Каутский рядом со статьями в защиту революционной России вслед за Бебелем пытается отгородить Германию от русского опыта.

³⁾ «Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg zum Gedächtniss», «Der Sozialist Unabhängige Socialdemokratische Wochenschrift», 24 Januar 1919, стр. 54.

⁴⁾ См., напр., его последнюю статью «Ein Verfechter der Einheitsfront-Kampf», August-September 1928.

⁵⁾ Никиш.

⁶⁾ K. Seydel, Der Radikalismus in der deutscher Arbeiterbewegung.

⁷⁾ M. Adler, K. Liebknecht u. R. Luxemburg, Wien 1919.

⁸⁾ E. Tarle, Европа в эпоху империализма, стр. 79.

⁹⁾ Там же, стр. 435.

и всей мощью государственного аппарата, умноженного на партийный и профсоюзный аппарат, об этом подобные историки молчат. Это понимать им неудобно. Поэтому непонятно им и следующее заявление Ленина на обсуждаемую тему: «... Мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистической войне представляют лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим оставаться социалистами, итти ниже и глубже к настоящим массам; в этом все значение борьбы с оппортунизмом, все содержание этой борьбы»¹⁾.

Историки эти не поймут, что не все то, что говорится от имени масс, что изображается как их воля и их убеждение, есть действительная мысль, воля, желание этих масс. Левый радикализм был «истиной немецкого рабочего движения, но истиной нереализованной, т.-е. не победившей еще». Здесь старые социал-демократические традиции в историческая обстановка играли огромную роль, но меньшую роль играло и предательство официального руководства, воспользовавшегося войной, чтобы удушить в самом зародыше всякую революционную оппозицию. Смешивать все воедино, предательство вождей с временной пассивностью и беспомощностью масс, сводить все субъективное без остатка к об'ективному, доказывать, что «иначе быть не могло», это специальность оппортунистической философии. Революционный марксизм подобный трусливо-фаталистический подход к истории, не соответствующий действительному ее ходу, самым решительным образом отмечает²⁾.

Люксембургизство, левый радикализм, движение спартаковцев—вполне закономерные течения, отражавшие процесс революционирования, процесс большевизации рабочего класса в эпоху империализма.

Роза Люксембург—их вождь и идеолог. Этим высказано все огромное значение, вся огромная роль этой революционерки в истории международного рабочего движения. Этим определяется место левого радикализма в деле подготовки III Интернационала. Ибо, чем же была защита русской революции и ее методов, борьба с реформизмом и центризмом, борьба с социал-патриотизмом и с империализмом, как не подготовкой и идеологией, и кадров для будущего Коммунистического Интернационала?

Все, что было лучшего, наиболее здорового, революционного в германской социал-демократии за последнее десятилетие перед Ноябрьской революцией, связано с именем Розы Люксембург.

Не кто иной, как Роза Люксембург и группировавшиеся вокруг нее революционеры спасли честь немецкого и всего западно-европейского марксизма.

Нельзя изучать революционного движения конца XIX и начала XX века без Розы Люксембург. И не только потому, что она была активнейшим деятелем этого движения, но также и потому, что она была крупнейшим, талантливейшим его историком. Роза Люксембург, как историк, еще до сих пор не получила должного признания.

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 482.

²⁾ Здесь мы не высказываемся специально по вопросу о январском восстании, которое действительно было обречено на гибель, правда, не потому, что за спартаковцами не было совсем масс. Одной из главных причин неуспеха была неясность цели этого движения, преждевременная попытка захватить власть, попытка к тому же скованная теми же независимыми социалистами, которые стояли во главе движения. Наша критика касается лишь метода, с каким академик Тарле и подобные ему подходят к этим историческим событиям.

Но самое важное и самое ценное для мирового рабочего движения—это тот громадный запас революционного пафоса, революционного энтузиазма, несгибаемой революционной веры, какой заражают нас деятельность и писания Розы Люксембург. Она, как никто на Западе, проявила подлинную большевистскую твердокаменность взглядов, подлинную принципиальность во всем, чего бы ни касалось ее перо или ее слово. Она была крупнейшим умом и самым горячим сердцем польского, немецкого и западно-европейского рабочего движения.

³⁾ К. Реннер. Что такое марксизм: идеология или наука? «Кампф» 1928,